

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13
Выпуск 1

2010
Март

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
АФРИКАНИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

Климов В.Ю. Первое японское посольство в России (1862 г.) 3

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР КИТАЯ

Власова Н.Н. Онейромантика и физиогномика в традиционных китайских представлениях 17

Сомкина Н.А. Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность)..... 30

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Кудояров В.Н. Налоги удзё:кин и мё:гакин при Танума Окицугу 47

Немировская А.В. Система наказаний на Древнем Востоке. История вопроса..... 53

ЛИНГВИСТИКА

Желтов А.Ю. Неноминативность в нигер-конго 70

Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности..... 83



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей

© Издательство
Санкт-Петербургского
университета, 2010

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Корнильева Т.И.</i> Традиционные китайские представления о загробном мире, отраженные в своде «Юйли баочао»: ортодоксальный буддизм и народные верования.....	91
<i>Мамедов Джаббар Манаф оглы.</i> О некоторых спорных вопросах относительно родины и национальности Низами Гянджеви	106

IN MEMORIAM

<i>Иван Иванович Зарубин</i>	117
<i>Богорад Ю.И.</i> Наш учитель Иван Иванович Зарубин: Иван Иванович Зарубин в моей судьбе.....	118
<i>Данскер О.Л.</i> Заррабин.....	123
Рефераты	126
Summaries	129
Сведения об авторах.....	132

РЕФЕРАТЫ

УДК 94(520)02

Климов В. Ю. **Первое японское посольство в России (1862 г.)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 3–16.

В статье в сжатой форме изложена история прибытия в Санкт-Петербург первой японской дипломатической миссии и ее пребывания в столице Российской империи. Работа написана на основе архивных документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) с привлечением дневника Итикава Сэйрю: 市川清流 (он же Ватару 渡) (1824–?), состоявшего в свите заместителя посла Мацудайра Ивами-но ками (松平石見守). В японской историографии за этой миссией закрепилось название «Посольство в Европу годов Бункю:» (文久遣欧使節団).

Ключевые слова: первое японское посольство в Европе, посольство в Европе годов Бункю, российско-японские отношения.

УДК 159.961.3

Власова Н. Н. **Онейромантика и физиогномика в традиционных китайских представлениях** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 17–29.

В статье рассматриваются два вида гаданий, распространенных в китайской культуре, — онейромантика (толкования снов) и физиогномика, их взаимосвязь с литературной и историографической традицией и влияние на северную китайскую субкультуру, основной чертой которой является способность рационализировать иррациональное.

Ключевые слова: Китай, гадания, онейромантика, гадания по снам, физиогномика.

УДК 394.2

Сомкина Н. А. **Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 30–46.

Статья посвящена символам, нашедшим воплощение в обрядах, ритуалах и поверьях повседневной жизни китайцев, включая сельскохозяйственные культы, а также моделям взаимодействия с высшими силами, воплощенными в зооморфных образах. Разнообразие обрядов было обусловлено различием в географической среде обитания (север — юг), роде хозяйственной деятельности (земледельцы — кочевники) и этнической принадлежностью, поскольку различные национальные общности имели свой культурный фон и свою тотемистическую подоплеку.

Ключевые слова: Китай, культы, народные верования, духи, зооморфная символика.

УДК 94(520).02 «17»

Кудояров В. Н. **Налоги ундзё:кин и мё:гакин при Танума Окицугу** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 47–52.

В статье рассматривается налоговая политика, проводившаяся в годы правления *Танума Окицугу* (1719–1788). В целях увеличения доходов *Токугава бакуфу* (1603–1867) и прекращения обеднения феодалов Японии *Танума* опирался на капиталы богатых купцов. Защищая их права и предоставляя им монополии, *Танума* взамен облагал их специальными налогами *ундзё:кин* и *мё:гакин*. Они выплачивались не только отдельными гильдиями, но и такими крупными купеческими домами, как *Сумитомо*.

Ключевые слова: налоги, рисовый налог, гильдии, монополии, купеческий капитал, товарооборот, кредиторы, монополия на женьшень, монополия на медь, монополия на латунь, монополия на железо, монополия на киноварь, монополия на очищенную камфару, гильдия подён-

ных рабочих, монополия на квасцы, монополия на уголь, монополия на хлопок, монополия на производство лампового масла, монополия на серу, гильдия курьеров, гильдия ростовщиков, *ундзёкин, мёгакин, Хигаки кайсэн, Тару кайсэн, Сумитомо.*

УДК 94

Немировская А. В. **Система наказаний на Древнем Востоке. История вопроса** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 53–69.

В начале XX в. главным объектом внимания исследователей древневосточного права были почти исключительно библейские законодательные пассажи в Кн. Исход, Левит, Второзаконие. С конца 1930-х — начала 1940-х гг. историки все чаще обращаются к клинописным источникам писаного права. Вплоть до 1980-х гг. основным предметом обсуждения оставалось понятие «талион» (*jus / lex talionis* — закон тождественного наказания).

Новым этапом в изучении древневосточного законодательства стала концепция американского историка права Р. Вестбрука «система викарной мести, выкупа и штрафов» (1988), согласно которой смысл талиона как части этой системы — ограничить мщение соразмерным увечьем и тем самым косвенно указать на известный и фиксированный размер денежного выкупа, который вправе потребовать пострадавшая сторона.

В Библии талион играет роль обобщенной декларации божественного правосудия и подчеркивает неизбежность божественного воздаяния, поэтому детализация размеров штрафов в библейских законодательных текстах отсутствует.

Ключевые слова: Древний Восток, библейское законодательство, Законы Хаммурапи, талион.

УДК 81

Желтов А. Ю. **Неноминативность в нигер-конго** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 70–82.

Статья посвящена анализу типов ролевого маркирования в языках нигер-конго в контексте общей теории ролевого маркирования. В языках нигер-конго доминирует номинативный (аккузативный) тип ролевого маркирования, но в некоторых случаях можно обнаружить отклонения от него.

Ключевые слова: языки нигер-конго, лингвистическая типология, типология ролевого маркирования.

УДК 94, 930.2

Телицин Н. Н. **Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 83–90.

В статье представлен обзор эпохи древнетюркских памятников с точки зрения возникновения первых видов письма с VI до XV вв., т.е. с момента зарождения тюркского (руноподобного) письма вплоть до принятия арабской графики. Рассматривается влияние этнокультурных и этноконфессиональных условий на возникновение и развитие древнетюркской (древнеуйгурской) письменности.

Ключевые слова: тюркская письменность, уйгурское письмо, руническое письмо.

УДК 398.541

Корнильева Т. И. **Традиционные китайские представления о загробном мире, отраженные в своде «Юйли баочао»: ортодоксальный буддизм и народные верования** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 91–105.

«Юйли Баочао», или «Драгоценные Копии Нефритовых скрижалей», — один из самых популярных памятников китайской протонародной религиозной литературы жанра «шаньшу»

(кит. 善书), так называемых «добрых книг». Впервые «Драгоценные Копии» появились в династию Сун, однако изменения и добавления вносились на протяжении всего существования памятника, и продолжают делаться и в наши дни. «Юйли» популяризировались преданными последователями, ведь, что неоднократно подчеркивается в самом тексте книги, тиражирование и распространение «Нефритовых скрижалей» способствует улучшению кармы. Вполне естественно, что сейчас существует множество списков этого памятника.

Содержание «Юйли» представляет особый интерес. В этом произведении нашли отражения китайские народные представления о загробном мире, формировавшиеся с течением времени и сейчас представляющие собой синтез буддийских, даосских и местных верований.

Ключевые слова: народные верования Китая, народная литература, «Юйли баочао», «Драгоценные копии нефритовых скрижалей», жанр шаньшу, мифология, религия, культура Китая, загробный мир.

УДК 82.09

Мамедов Джаббар Манфоглы. **О некоторых спорных вопросах относительно родины и национальности Низами Гянджеви** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 106–116.

Статья посвящена одному из проблематичных вопросов в области востоковедения. Так, в XVIII в. в одну из поэм всемирно известного азербайджанского поэта и философа Низами Гянджеви были вставлены строки, где якобы Низами говорит, что он родом не из Азербайджана, а из иранского города Кум. Исходя именно из этой информации начиная с XVIII в. знатоки мирового востоковедения начали считать Иран родиной Низами.

Но в первой половине XX в. известным русским/советским востоковедом акад. Е.Э. Бертельсом было обнаружено, что указанные строки в других рукописях, в том числе и в ранних версиях, отсутствуют, т.е. упомянутые здесь поздние вставки идеологически мотивированных переписчиков в одну из поэм поэта являются грубой фальсификацией. Это открытие привлекло внимание и других советских, в том числе и азербайджанских, ученых, и они тоже подтвердили и дополнили это открытие своими исследованиями (например, акад. Ю.Н. Марр, акад. И.Ю. Крачковский, автор статьи о Низами в «энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» акад. А.Е. Крымский, азербайджанские ученые Г. Араслы, Дж. Хейт, Р. Алиев и др.).

После выявления данного научного факта все известные советские востоковеды, в том числе и те, которые ранее считали Низами персидским поэтом, изменили свою позицию, окончательно и единогласно признав родиной поэта Азербайджан.

Но в силу того, что все эти дискуссии происходили накануне Второй мировой войны и только на страницах русскоязычных журналов, а также по сей день ни в одном западном научном издании не опубликована ни одна статья об этом величайшем открытии Бертельса, на Западе по инерции до сих пор пишут о Низами как о персидском поэте.

Эта статья посвящена вышеупомянутой «Кумской гипотезе», ее окончательному опровержению советскими и азербайджанскими учеными, перечислен ряд аргументов, в том числе и из стихов самого Низами, подтверждающих его тюркско-азербайджанское происхождение.

Ключевые слова: Низами Гянджеви, Бертельс, «Кумская гипотеза», национальность Низами Гянджеви, азербайджанские поэты, азербайджанские философы, восточные поэты, низамиведение.

SUMMARIES

Klimov V. Yu. **First Japanese diplomatic mission to Russia (1862).**

The paper briefly describes the arrival and stay of the first Japanese diplomatic mission in St Petersburg. The study was based on the documents from two archives, the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (Russian abbreviation AVPRI) and the National Naval Archive (RGAVMF). The diary of Ichikawa Seiryu (Wataru) (1824–?), a member of the vice legate Matsudaira Iwami-no Kami's suite, was also used. In Japanese studies this diplomatic mission is known as the Bunkyu diplomatic mission to Europe..

Keywords: First Japanese diplomatic mission to Europe, the Bunkyu diplomatic mission to Europe, Russo-Japanese relations.

Vlasova N. N. **Oneiromancy and physiognomy in Chinese traditions.**

The two types of fortune telling popular in Chinese culture are discussed, i.e. oneiromancy, or dream interpretation, and physiognomy. The article also touches upon their relations with literary and historiographic traditions and their impact on the northern subculture characterized by an ability to rationalize the irrational.

Keywords: China, fortune telling, oneiromancy, dream interpretation, physiognomy.

Somkina N. A. **Traditions of animal symbolism in ritual aspects of everyday beliefs.**

The article deals with symbols embodied in rites, rituals and popular beliefs, including rural worship, in everyday Chinese life, as well as patterns of interaction with gods, deities and magic animals. This ritual diversity results from differences in habitats (North versus South), economical activities (farmers versus nomads) and ethnicity, as different ethnic groups have different cultural backgrounds and traditions of totem worship.

Keywords: China, worship, popular beliefs, deities, animal symbolism.

Kudoyarov V. N. **Taxes *unjoukin* and *myougakin* during the rule of *Tanuma Okitsugu*.**

The article discusses the tax policy carried out during the rule of the statesman *Tanuma Okitsugu* (1719–1788). To increase the revenue of the *Tokugawa bakufu* (1603–1867) and to stop the impoverishment of Japanese feudal lords, *Tanuma* depended on the capital of wealthy merchants. Defending their business rights and giving them privileges, in return he imposed on them special taxes called *unjoukin* and *myougakin*. Those taxes were paid not only by individual guilds but also by such merchant companies as *Sumitomo*.

Keywords: taxes, rice tax, guilds, monopolies, capital of merchants, trade turnover, creditors, ginseng monopoly, copper monopoly, brass monopoly, iron monopoly, cinnabar monopoly, camphor monopoly, guild of time-workers, alum monopoly, coal monopoly, cotton monopoly, lamp oil monopoly, sulphur monopoly, guild of messengers, guild of money lenders, *unjoukin*, *myougakin*, *Higaki kaisen*, *Taru kaisen*, *Sumitomo*.

Nemirovskaya A. V. **The system of punishments in the Ancient Near East: A history of research.**

In early 20th century, Biblical law (Exodus, Leviticus, Deuteronomy) was the main object of research on Ancient Near Eastern law. In 1930–1940s, scholars shifted the focus of their studies to cuneiform. Until 1980s, the principal matter for discussions was still the law of retaliation. A concept by American

historian Raymond Westbrook (1988) became a new milestone in studying Ancient Near Eastern law. He stated that talion was merely a part of “the revenge and ransom system” that existed throughout the Ancient Near East. In the Bible, talion is a didactic figure expressing the idea of divine justice and inevitable retribution; hence there are no details on fines in Biblical law.

Keywords: the Ancient Near East, Biblical law, Hammurabi’s Code, talion.

Zhel'tov A. Yu. Non-nominativity in the Niger-Congo languages.

This article analyzes the role marking types in the Niger-Congo languages in the context of the general role marking theory. While nominative (accusative) type of role marking dominates in these languages, some alternative strategies can be demonstrated.

Keywords: Niger-Congo languages, linguistic typology, typology of role marking.

Telitsin N. N. Emergence and development of Uyghur writing: ethno-cultural conditions.

The article reviews examples of the Old Turkic writings from the 6th until the 15th century, i.e. since the inception of Turkic (Runic) writing until the adoption of Arabic graphics. The impact of ethno-cultural and ethno-confessional factors on the emergence and development of Old Turkic (Old Uyghur) writing is discussed.

Keywords: Turkic writing, Uyghur writing, Runic writing.

Kornilyeva T. I. Traditional Chinese beliefs in the afterlife described in “Yuli baochao”: Orthodox Buddhism and popular beliefs.

“Yuli baochao”, or “Precious Copies of Jade Tablets”, is one of the most popular books known as “morality”, or “shanshu” genre books (善书). They were widely spread among the common people of China. The origins of “Yuli” date back to the Song period; they had been constantly amended and added to throughout their existence up to the present time. “Precious Copies” were propagated by faithful followers as the book itself states that its copying and distribution is of great virtue. It is therefore not surprising that many copies exist today.

The content of the “Precious Copies of Jade Tablets” presents a special interest. It describes Chinese popular beliefs in the afterlife that emerged over time and now comprise a mixture of Buddhist, Taoist and local religious beliefs.

Keywords: China, popular beliefs, popular literature, “Yuliba ochao”, “Precious Copies of Jade Tablets”, Shanshu genre, mythology, religion, Chinese culture, afterlife.

Mammadov Jabbar Manaf oglu. On some controversial issues surrounding the origin and nationality of Nezami Ganjavi.

The paper deals with an important debatable issue in Oriental studies. In the 18th century, one of the poems by the world famous Azeri poet and philosopher Nezami Ganjavi was supplemented with lines in which Nezami allegedly mentioned that he came not from Azerbaijan but from the Iranian city of Qom. This fact led to an opinion that Nezami was of Iranian origin; since then, this opinion has been shared by Orientalists all over the world.

However, in the first half of the 20th century, Academician E.E. Bertels, a renowned Russian/Soviet expert in Oriental studies discovered that the aforementioned lines were not present in other manuscripts, including earlier versions. This pointed to the fact that these later insertions made by some ideologically motivated copyists were in fact a falsification. This discovery attracted the attention of other scholars, including those from Azerbaijan who supported and supplemented Bertels’ findings with their own research (e.g. Academician Y.N. Marr, Academician I.Y. Krachkovski, Academician A.Y. Krymski, author of the article on Nezami for *The “Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary”*, Azerbaijani scholars G. Arasly, J. Heyat, R. Aliev and others).

Following that, all prominent Soviet Orientalists, including those who had theretofore considered Nezami a Persian poet, changed their viewpoint and stated conclusively and unanimously that the poet came from Azerbaijan.

However, because the discussion took place shortly before World War II and only in the Russian-language press, up to now there has been no mention of Bertels' great discovery in Western scientific publications. Therefore, Western sources continue to refer to Nezami as a Persian poet.

This paper discusses the abovementioned *Qom hypothesis* and its utmost refutation by the Soviet and Azerbaijani scholars. The arguments in favour of the poet's Turkish and Azerbaijani origin are presented, including quotations from Nezami's verses.

Keywords: Bertels, Qom hypothesis, nationality of Nezami Ganjavi, Azerbaijan poets, Eastern philosophers, Orientalism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богорад Юлия Ильинична, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков СПбГУ культуры и искусств; ilya123@inbox.ru

Власова Наталья Николаевна, магистр, ассистент кафедры филологии Китая, Кореи и ЮВА Восточного факультета СПбГУ; natashamur@inbox.ru

Данскер Ольга Львовна, nathlliv@gmail.com

Желтов Александр Юрьевич, кандидат филологических наук, зав. кафедрой африканистики Восточного факультета СПбГУ; ajujeltov@mail.ru

Климов Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ; klimovvadim@rambler.ru

Корнильева Татьяна Игоревна, магистр, Восточный факультет СПбГУ; t-kornilyeva@yandex.ru

Кудояров Владимир Николаевич, магистр, Восточный факультет СПбГУ; vladohome@mail.ru

Мамедов Джаббар Манаф оглы, доктор философских наук, главный инженер (по второму образованию) в Государственной нефтяной компании Азербайджанской республики; s.m.mamedov@mail.ru

Немировская Адель Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Древнего Востока Восточного факультета СПбГУ; adelnm@mail.ru

Сомкина Надежда Александровна, ассистент кафедры филологии Китая, Кореи и ЮВА Восточного факультета СПбГУ; somkina@yandex.ru

Телицин Николай Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ; nnt@orient.pu.ru

CONTENTS

Russia and the Orient

<i>Klimov V.Yu.</i> First Japanese diplomatic mission to Russia (1862).....	3
---	---

Geoculture

<i>Vlasova N.N.</i> Oneiromancy and physiognomy in Chinese traditions	17
<i>Somkina N.A.</i> Traditions of animal symbolism in ritual aspects of everyday beliefs	30

History and Source Studies

<i>Kudoyarov V.N.</i> Taxes unjoukin and myougakin during the rule of Tanuma Okitsugu.....	47
<i>Nemirovskaya A.V.</i> The system of punishments in the Ancient Near East: A history of research	53

Linguistics

<i>Zhel'tov A.Yu.</i> Non-nominativity in the Niger-Congo languages.....	70
<i>Telitsin N.N.</i> Emergence and development of Uyghur writing: ethno-cultural conditions.....	83

Literature

<i>Kornilyeva T.I.</i> Traditional Chinese beliefs in the afterlife described in “Yuli baochao”: Orthodox Buddhism and popular beliefs.....	91
<i>Mammadov J.M. oglu.</i> On some controversial issues surrounding the origin and nationality of Nezami Ganjavi.....	106

In memoriam

<i>Ivan Ivanovuch Zarubin</i>	117
<i>Bogorad J.I.</i> We wish him to be remembered: Ivan Ivanovuch Zarubin in my fate	118
<i>Dansker O.L.</i> Zarrabin.....	123

Summaries	126
------------------------	-----

Authors	132
----------------------	-----

Мамедов Джаббар Манаф оглы

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ОТНОСИТЕЛЬНО РОДИНЫ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн-Юсуф ибн-Зеки (около 17–22.08.1141 г. Гянджа [Ganja], Азербайджан, — 12.03.1209, там же) — величайший поэт, мыслитель и философ Азербайджана, яркий представитель Восточного и мирового Ренессанса. Безвыездно жил и творил в родном городе Гяндже. Был близок ко двору династии Атабеков — *Ельдегизидов* (1137–1225 гг.), правителей Азербайджана, но от предложений стать придворным поэтом отказывался, довольствуясь небольшими пособиями, которые ему назначали правители Азербайджана. Около 1173 г. женился на тюркской (кипчакской, половчанской) девушке Афак (*Аннак*), которую воспел в своих стихах. О его поистине энциклопедическом образовании свидетельствуют обширные познания в математике, астрономии, химии, философии, медицине, истории. Основное сочинение Низами Гянджеви — «Пятерица», состоит из 5 поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандар-наме». Сохранилась также часть лирического дивана.

«Пятерица» оказала огромное влияние на развитие многих восточных литератур. На произведения Низами было написано более сотни ответов-подражаний (*назира*) на азербайджанском, узбекском, персидском, турецком, арабском и др. Его творчество — вклад в литературу не только Востока, но и Запада: Гете считал Низами одним из семи гениальных поэтов всех времен и народов [25, с. 336]. Г. Гейне говорил: «Германия имеет своих великих поэтов <...> Но что они по сравнению с Низами» [25]. В тяжелые дни блокады в октябре 1941 г. осажденный Ленинград отмечал 800-летие поэта [13]. Сегодня в Санкт-Петербурге воздвигнут пятиметровый бронзовый памятник Низами [28]. Рукописи его произведений хранятся в крупнейших рукописных фондах мира. Поэзия Низами Гянджеви оказала крупнейшее влияние на литературы и изобразительное и декоративно-прикладное искусство народов Ближнего и Среднего Востока. Произведения живописи, иллюстрирующие поэмы Низами, хранятся в Британском музее (Лондон), Лувре (Париж), Музее изящных искусств (Бостон), Музее Топканы (Стамбул), Третьяковской галерее (Москва) и др.

В Гяндже на могиле Низами Гянджеви еще с XIII в. был построен гумбез (*купол*), а в XX в. на месте его был воздвигнут монументальный мавзолей, который посещают десятки тысяч любителей гениальной поэзии Низами.

О месте рождения Низами Гянджеви

До XVII в. ни у кого не было сомнений в том, что Низами родился, безвыездно жил и умер в Гяндже (откуда и происходит его прозвище Гянджеви, т.е. из Гянджи). В самых достоверных сборниках биографий поэтов, таких как «Ауфи Садид-ад-дин» (XIII в.) и

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о ведущей роли Ганджи XII в. в культурной жизни Азербайджана. Понятно, что она стала родиной поэта, имеющего право на одно из почетных мест в истории мировой литературы—гениального Низами.

* * *

Ильяс-Юсуф-оглу известный под поэтическим псевдонимом (техаллус) Низами, родился в Гандже около 1140/41 г. Уточнить эту дату пока возможности еще нет, так как биографические сведения о нем довольно скудны и все наиболее достоверное извлекается преимущественно из его же произведений.

О Гандже Низами в своих произведениях упоминает весьма часто, его „нисба“, т. е. прозвище, указывающее на происхождение, всеми лучшими источниками указывается в форме Ганджеви, т. е. Ганджинский. Правда, некоторыми европейскими ориенталистами делались попытки, на основании поздних персидских источников, связать или самого Низами, или его род с городом Кум (в Иране), но эти попытки приходится отвергнуть. Они покоятся на строчке во второй части „Искандер-намэ“, где Низами якобы упоминает о Куме. Но строка эта, как уже было отмечено английским востоковедом Риё—позднейшая вставка и Низами не принадлежит. Это утверждение Риё вполне подтверждается и нашими материалами. В лучшей и старейшей из известных мне рукописей Низами, принадлежащей Национальной библиотеке в Париже и датированной 763 г. х. (1360 г. н. э.), этой строки также не имеется.

О семье Низами мы почти ничего не знаем. Единственное, что можно утверждать с уверенностью это то, что в момент написания поэмы „Лейли и Меджнун“, т. е. в 1188 г. отца его в живых уже не было. Не было в это время уже и матери поэта—„курдской госпожи“, как ее называет Низами. Самый характер его творчества, все направление его мысли позволяет с

26-ое страница книги Бертельса «Великий азербайджанский поэт Низами», Баку, 1940

«Доулатшах Самарканди» (XV в.) городом рождения Низами указывается Гянджа, в которой он жил практически безвыездно и в которой умер.

После одного комментария в биографическом сочинении «Атешкида» («*Atashkadah*») Хаджи Лютф Али Бека (XVIII в.) появились сомнения, начались разногласия. В частности, за основу утверждения о том, что Низами родился не в Гяндже а в городе Куме взяты строки из сборника «Атешкиде», цитирующие такой куплет из рукописей «Искандер-намэ»:

Хотя я затерян в море Гянджи, словно жемчужина,
Но я из Кухистана (букв. «Горной страны»), города Кум,
В Тафрише (*Tafriish*) есть деревня, и свою славу (букв. «свое имя») Низами стал искать оттуда.

До нас дошел единственный экземпляр «Атешкиды» Хаджи Лютф Али Бека. У этого экземпляра вырваны первые четыре страницы биографии Низами, и книга начинается



Художественное изображение Низами
на ковре (музей в Гяндже, Азербайджан)



Памятник Низами в Санкт-Петербурге
(на Каменноостровском проспекте)

прямо с «Кумской гипотезы». А что было на вырванных страницах и как комментировал «Кумскую гипотезу» сам Хаджи Лютф Али Бек — не известно.

Некоторые исследователи трактуют этот куплет в «Атешкида» так: якобы Низами родился в Иране, в 72 км на юг от Тегерана, где расположен город Кум (*Qom* или *Kum*).

Сомнения были разрешены еще в первой половине XX в. после академического подхода к этой проблеме. В XX в. авторитетные востоковеды, занимаясь этим вопросом, выявили, что в старейших рукописях «Искандер-наме» этой строки нет, а вставка их в поздние варианты «Искандер-наме» — фальсификация.

Авторитетный низамивед акад. Е.Э. Бертельс писал: «Эта строка, как уже было отмечено английским востоковедом Риё — позднейшая вставка и Низами не принадлежит. Это утверждение Риё вполне подтверждается и нашими материалами. В лучшей и старейшей из известных мне рукописей Низами, принадлежащей Национальной библиотеке в Париже и датированной 763 г. хиджри (1360 г. н. э.), этой строки также не имеется» [8, с. 26; Эта мысль повторяется и в других его работ: 10, с. 304; 11, с. 67; и др.].

Переводчица произведений Низами на армянский язык Мариэтта Шагинян также утверждала, что упоминание города Кума — всего лишь поздний вымысел и Низами Гянджеви принадлежит Азербайджану: «Это поздние вставки идеологически мотивированных переписчиков в одну из поэм поэта, и проще говоря, фальсификация» [18, с. 19]. Как дополнительное доказательство того, что Гянджи — родной город поэта, М. Шагинян приводит такие слова Гете — одного из самых ранних поклонников творчества азербайджанского поэта в Европе: «Вообще же он (Низами) вел, соответственно своему спокойному занятию, спокойную жизнь под Сельджукидами и был похоронен в своем **отечественном** (родном) городе Гяндже» [18, с. 50].

Азербайджанский низамивед проф. Рустам Алиев, более подробно анализируя эти строки со стилистической точки зрения, выявил достаточно существенные изъяны: «... Как доказали В. Дастгирди, Е.Э. Бертельс и С. Нафиси (курсив наш. — Дж. М.), сообщение о том, что якобы Низами родом из Кума, помещено на основе двух бейтов, внесенных текст «Искандер-наме» («Икбал-наме») впоследствии, видимо, патриотами города Кума и поклонниками Низами. Приведем подлинный текст этих бейтов:

Низами, открой замок сокровищницы,
До каких пор и доколь ты будешь пленником Гянджи (сокровищницы)?
Выложи, если ты уложил какую-нибудь дичь,
Пускай [ее] в хождение, если накопил сокровищницу.

Текстолог, знакомый с особенностями поэтики Низами, сразу заметит, что здесь поэт обыгрывает лексическое значение слово «гянджа», которое обозначает «сокровищница».

Если более понятно передать смысл этих строк, то он будет таков: «До каких пор ты будешь оберегать сокровищницу своих мыслей в этом городе-сокровищнице (Гяндже)! Покажи всем, что если ты поймал в этом море мыслей редкую дичь, улов (поэтический образ), сделай доступной всем людям эту сокровищницу мыслей, которую ты накопил». Здесь мы видим также и повторение излюбленной жалобы Низами: «До каких пор ты будешь пленником Гянджи, вырвись из нее на арену мира».

Эти бейты тесно связаны между собой общей мыслью, составляют единое целое. Однако это не помешало последующим переписчикам-интерполяторам (патриотам Кума)

вставить между цитируемыми бейтами еще два двустишия:

Подобно жемчужине, я затерян в море Гянджи,
Но я из Кухистана, города Кума.
В Таффрише есть деревня по имени «Та»,
Низами оттуда стал искателем [славного] имени.

В этих четырех вставных строчках содержится сразу несколько вопиющих ошибок. Неправильно написано слово «Кухистан», город Кум не имел никакого пригорода, области или округа под названием «Кухистан». Наконец, самое главное, «как показало сравнение текстов “Икбал-наме”, ни в одном из древнейших списков поэмы этих строк нет» [4, с. 23–24].

Кроме этого некоторые востоковеды [5, с. 98; 27, с. 132–145; и др.] обратили внимание на логические ошибки в подходе «Атешкида». Они заявили, что если даже то, о чем говорится в «Атешкида», правда, из этого куплета не вытекает однозначного вывода, что речь идет об иранском городе Кум. Может, имелся в виду другой город Кум? На Востоке есть несколько местностей с таким названием. Например, недалеко от Гянджи (в 116 км) по сей день имеется населенный пункт Кум, который до VII–VIII в. был большим городом.

Какие народности жили в XII в. в Гяндже?

Тюркоязычные народы — киммерийцы (VIII–VII вв. до н. э.), скифы (VIII–VI вв. до н. э.), саки (до I тыс. до н. э.), а потом хазары (IV–X вв. н.э.) — издавна жили на территории Азербайджана. Значительное присутствие тюрков по всему Кавказу и в Азербайджане (в том числе Северном — в Арране) уже в V в. признается византийскими, грузинскими, арабскими, русскими/советскими учеными и летописями (А. Артамонов, С. Такайшвили, Феофилакт Симмокатта), а также армянскими летописцами (см., напр.: Фавстос Бузанд «История Армении», или «История халифов» Гевонда) [20].

Известный арабский историк X в. Ибн Джарир ат-Табари, повествуя о событиях VII в., в I томе своего труда «История царей и пророков» пишет: «Хишам бин Мухаммед ал-Калби <...> отправил свою конницу <...> в Азербайджан. В то время Азербайджан был в руках тюрков. Он вступил в сражение с тюрками...» [3]. То есть Азербайджан уже в VII в. был известен как тюркская страна.

«...Ибн Азрак в 1070 году писал, что “Гянджа является великой столицей тюрков”. Якут ал-Хамави (побывавший в Азербайджане в 1213 и 1220-х гг.) пишет: “Мукан — область, в которой много сел и пастбищ. Она заселена туркменами, которые пасут здесь свои стада, и туркмены составляют здесь большинство населения”. Мас’уд ибн Намдар (XII в.) в “Сборнике рассказов, писем и стихов” подчеркивает, что восстание в Байлакане подняли и возглавили тюрки. В данном произведении, написанном в 1111–1112 гг., подчеркивается преобладание тюркского этноса в аррано-байлаканских событиях. Знаменитый историк Хорезм-шаха Джалал-Дина Мангыбурни Насави неоднократно отмечал, что “в Арране и Мугане тюрки, словно муравьи, неисчислимы» [3; а также здесь: 16, с. 389; 25]. Азербайджанский ученый З.А. Кули-заде, комментируя эти высказывания, пишет, что за короткий срок не могли бы тюркские «кочевники» стать большинством и при этом еще и добиться доминирования своего языка в Азербайджане.

Они издавна жили в Азербайджане [17, с. 110–111].

Устами Александра Македонского Низами сам сообщает: «От Хазарских высот до Китайского моря, Всю землю я вижу полной тюрков» [22, с. 295; 29].

Более подробно о тюрках в ту эпоху можно прочитать в исследованиях [6; 12].

О своей национальности Низами сам и сипатии к тюркству в его произведениях

Не сломят меня эти бессердечные,

Я жалуясь тем, которых еще нет на свете,

Моего тюркства в этой Абиссинии не признают (букв. «не покупают»)

И поэтому не едят моей вкусной окрошки.

(Низами Гянджеви «Семь красавиц», юбилейное издание 1981–1985 гг., с. 71)

Проф. Рустам Алиев, так комментирует этот стих: «Этот бейт, содержащийся во всех изданиях и не вызывающий никакого сомнения в подлинности, прежде всего говорит о том, что Низами по национальности был тюрком (азербайджанцем). Жалуясь на жителей Гянджи, которую в приступе отчаяния он сравнивает с Абиссинией, употреблявшейся в тогдашней литературе как символ мрака, невежества и мракобесия, поэт хочет сказать, что он тюрк и его красивые, прекрасные стихи, вкусные, как национальная пища тюркских народов, не ценятся на его родине, ибо желудки титулованных покупателей неспособны переварить такой прекрасной еды, как дугба (окрошка)» [21, с. 24–25].

«Я — жестоко осажженный в городе **родном...**» (Низами Гянджеви «Семь красавиц», М., 1959, с. 376).

Держава тюрков, которая возвысилась,

Обрела власть благодаря любви к справедливости.

Раз ты творишь беззаконие (тиранию)

То ты не тюрк, а вор-индус.

(Низами Гянджеви «Сокровищница тайн»: Рассказ про старуху и Султана Санджара).

Комментарий акад. Е.Э. Бертельса: «Здесь сельджукская знать противопоставляется старой иранской аристократии, которая, очевидно, по мнению Низами, к справедливости не стремилась» [9, с. 193].

«Если он Луна, тогда мы Солнце, Если он Кейхосров, тогда мы — Афрасиабы» (Низами Гянджеви «Хосров и Ширин». Из главы «Завещание Михин Бану»).

Комментарии: Кейхосров — древнеиранский, Афрасиаб — победивший его древнетюркский падишах. Низами поэтически сравнивает их: Кейхосров = Луна, а Афрасиаб = Солнце. Персидский поэт не унизил бы или же не уменьшал бы цену героя-правителя «своего» (иранского) народа перед героем-правителем другого (тюркского) народа.

Акад. Ю.Н. Марр (востоковед, сын акад. Н.Ю. Марра) писал: «Неизменный образ “тюрчанки” как поэтический символ женской красоты <...> многочисленные афористические выражения, языковые обороты, характерные именно для тюркского (азербайджанского) фольклора, народного языка (на что часто указывают специалисты), многие

прямые указания и намеки самого поэта, — все это обличает в Низами азербайджанского поэта, говорит о глубоких народных корнях его творчества. Недаром представители персидской интеллигенции, филологи признают, что “Низами — не персидский поэт, он жил и работал в азербайджанской среде, и стихи его непонятны персу” [19, с. 266].

Известный иранский низамивед Вахид Дастигирди писал: «По обычаю тюрков тело Низами было похоронено в гробнице» [2, с. 26].

Как известно, поэму «Лейли и Меджнун» Низами писал по заказу Ширваншаха Ахсатана (1160–1191). В его письме поэту содержатся такие строки: «Мы высокородные цари и исполняем свое обещание, мы верны своим словам и не поступаем так, как низкородные турки — султан Махмуд и Кызыл-Арслан по отношению к тебе. Поэтому ты создай нам подобающие нашему высокому роду, высокие, а не грубые “тюркоподобные” слова». Комментируя их, академик И.Ю. Крачковский писал: «Это было не столько этническим самовыражением, сколько выражениями амбиции правителя. Несмотря на политическую подоплеку I Ахсатана, его оскорбительные слова заделали поэта. Низами реагировал на этот вызов очень яростно и ответил с возмущением. Трудно представить более утонченной издевки по адресу Ширваншаха, чем та, которую содержит в ответе Низами. В расшифровке она звучит так: “хотя ты поднаторел в государственных делах, но ты еще не стал человеком, ибо у тебя нет ни черт вождя, ни свойств полководца, ни достоинств богатыря, ни способностей бойца-героя, ни величия души, ни мудрости, ни справедливости, ни правосудия, ни благородной внешности, ни искренности” и т.д. В конце призыв “становись тюрком” дан в условном контексте “если сможешь”».

Это свидетельствует о том, что поэт специально подчеркивал неспособность Ахсатана стать таковым (тюрком). Более убийственного ответа на выпады Ахсатана против тюрков, пожалуй, никто, кроме Низами, не смог бы дать» [15].

Будучи патриотом Азербайджана, Низами Гянджеви переносит действие многих эпизодов своих поэм на территорию своей родины: в своих произведениях Низами приводит в Азербайджан великого полководца Александра Македонского, который в действительности не бывал там. Героиню известной арабской легенды «Лейли и Меджнун» Лейли в своей поэме (в главе «Лейли отправляется гулять по саду») объявляет тюрчанкой, говоря о тюркском происхождении племени Лейли: «Звали их турчанками, поселившись у арабов, / Ибо турчанки с арабским станом прекрасны» [23, с.10; 14, с. 106], в другом месте говорит устами Меджнуна: «Турчанку, для которой я являюсь нерасторопной дичью» [23, с. 10; 14, с. 93] и т.д.

Имеет ли Низами отношение к Ирану

Исходя из научных фактов все советские востоковеды признали Низами азербайджанским мыслителем, и во всех советских академических изданиях, энциклопедиях Низами представлялся именно так. Но на Западе под влиянием «Атешкиды» по инерции продолжали (и продолжают) считать Низами иранским или же персидским поэтом (см., напр., [24]). А это связано в основном со следующими доводами: во-первых, «открытие Бертельса» было сделано в 1930-х гг., т.е. тогда, когда весь мир был занят более актуальными проблемами, в том числе экономическим кризисом и предстоящей угрозой войны с Германией. А после войны хаос, голод, разруха, траур в каждой семье. На Западе было не до Низами даже после 1950-х гг. Из-за политических интриг дости-

жения советских ученых не распространяли на Западе, не признавали их или же игнорировали, уменьшали их вклад в науку, если каким-то образом эти открытия доходили до европейских читателей. Лично нам не известна ни одна публикация на Западе, посвященная анализу «Кумской гипотезы» или же «открытию Бертельса». Русский язык (и наука голодной страны рабочих) до Второй мировой войны был не так уж популярен в Европе, чтобы повлиять на научные воззрения. Поэтому откуда знать западным читателям, что «Кумская гипотеза» уже опровергнута, если по этому вопросу там никогда ни вышло ни одной статьи?

Во-вторых, одно из самых авторитетных изданий в Европе — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, написанная в 1897 г., — представило Низами европейской аудитории как персидского поэта [26] исходя из воззрений XIX в. Это издание продолжает перепечатываться во всем мире по сей день в первоначальном виде, пользуется авторитетом, т.е. продолжает распространять устаревшие сведения о Низами, несмотря на то что автор статьи о Низами в этой энциклопедии академик Крымский после «открытия Бертельса» изменил свою точку зрения относительно национальности Низами: «Теперь, более чем четверть столетия спустя, — писал Крымский после открытия Бертельса, — я эти страницы считаю, конечно, устаревшими в отдельных пунктах <...> Я уже счел нужным частично видоизменить кое-какие свои прежние мнения по вопросам биографии Низами на основании новых моих соображений (курсив мой. — Дж. М.)» [16, с. 65]. «Несмотря на персидский язык своих произведений, Низами всецело остается поэтом своего родного Азербайджана, и историю развития азербайджанской литературы надо начинать не с того момента, когда азербайджанцы стали писать по-тюркски, а с более ранних литературных явлений, привлекая сюда и Низами, и других местных авторов, хотя они писали на фарси...» [16, с. 92]. «Надо твердо осознать и признать: азербайджанец Низами, конечно, есть родной азербайджанский поэт, которым Азербайджан может по праву гордиться» [16, с. 93].

Со своей стороны мы сможем добавить, что не только при жизни Низами, но и за последние 500 лет до его рождения и 700 лет спустя после его смерти не существовало государства под названием «Иран» или «Персия», что делает вообще смехотворными попытки представить его в качестве «персидского» поэта. Низами Гянджеви жил ориентировочно с 1141 по 1209 г., а Иран (Сасанидская Персия — 224–651 гг.) перестал существовать еще за 500 лет до его рождения после победы мусульманских войск над армией Йездегерда. Название «Иран» было «реанимировано» лишь в 1935 г., 700 лет спустя после смерти Низами Гянджеви, и в настоящее время закреплено за страной. Не только при Низами Гянджеви, но и вообще вплоть до XX в. этот регион (временами — от Индии до Йемена) управлялся исключительно тюркскими (большей частью азербайджанскими в современном понимании) династиями, сменявшими друг друга. Последняя из них, династия Каджаров, была свергнута в 1925 г. Персидский язык в то время был «международным» языком литературы, так же как арабский был языком науки, а тюркский — военного дела.

Родина Низами город Гянджа никогда не входил в состав Персии. В работах Низами нигде не говорится, что он или его отец были персами. Весь период своей истории Гянджа последовательно входила в состав разных азербайджанских государств: в государство Гамир — созданного тюркоязычными киммерийцами, Ишгуз — созданного тюркоязычными скифами, Сакасена — созданного тюрками саками, Албанию — созданного тюрками-албанами. После выхода Азербайджана из состава Арабского халифата

Гянджа управлялась тюркскими династиями Саджидов и Саларидов, далее с середины XII в. по середину XIII в. Гянджа была резиденцией государства Атабеков или же тюркской династии Ильдегизидов. В XIV–XV вв. Гянджа управлялась тюркскими династиями Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, а далее тюркской династией Сефевидов. Это были тюркские государства, и современный Азербайджан является их наследником.

Почему Низами писал по-персидски?

Как уже отмечалось, Низами писал не на родном азербайджанском, а на персидском языке. Это объясняется тем, что в тот период персидский язык был своего рода международным языком, «...на Востоке можно было бы скорее прославиться и распространить свои воззрения в различных странах посредством персидского и арабского языков. Для того чтобы созданные им творения не затерялись, он был вынужден следовать требованиям литературного письменного языка своей эпохи» [14, с. 93–100].

«...Все это вместе взятое заставляет пересмотреть укрепившиеся в востоковедении взгляды на персидскую литературу. До сих пор под персидской литературой обычно понимают все, что написано на персидском языке, вне зависимости от того, где и в каких условиях эта литература сложилась. Затем весь этот ложный комплекс приписывают Ирану, понимая под этим ту политическую единицу, которая носит это название в данное время. Однако такое перенесение понятия XX в. на тысячу лет назад, конечно, методологически грубо неправильно. Персоязычная литература сложилась не только на территории современного Ирана, в ее создании принимали участие десятки различных народов. Если мы попытаемся ограничить персидскую литературу только именами тех авторов, которые жили на территории теперешнего Ирана, то все это обилие у нас рассыплется, и в руках почти ничего не останется. Как нельзя сельджукское государство считать Ираном только потому, что в состав его входила, между прочим, и территория современного Ирака, так и связывать персидскую литературу с этой территорией, превращать ее в литературу Ирана — неправильно. Если мы внимательнее присмотримся к этой литературе, скажем, сельджукского периода, то мы увидим, как в ней складываются круги: среднеазиатский, хорасанский, закавказский и др. Работы в этом направлении до сих пор почти не велось, она сложна и требует полного овладения тем наследием, которое до нас дошло, что пока еще литературоведами далеко не достигнуто» [8, с. 16–17].

«...Азербайджанский регион, где Низами жил и писал, в его время только сравнительно недавно стал сценой значимой литературной деятельности на персидском языке. Поэзия на персидском сначала появилась на Востоке, где в X и XI вв. процветала во дворах у Саманидов в Бухаре и их преемников (тюркской империи) Газневидах, сконцентрированных в восточном Иране и Афганистане. Когда в 1040 г. турки-сельджуки распространили свою власть западнее, в Ирак, который был преимущественно арабоязычным, то и персоязычная поэзия также распространилась западнее в султанский двор турков-сельджуков. Когда в XII в. сельджуки расширили свой контроль в регионе, их наместники, фактически автономные местные принцы, поощряли персидскую письменность. К середине XII в. много важных поэтов обладали и пользовались их патронажем, и там разработался отчетливый “азербайджанский” стиль поэзии на персидском языке, который контрастировал с “хорасанским” или “восточным” стилем в своей риторической сложности, прогрессивном использовании метафоры и использовании

